

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3

2020

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3
2020

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

-2 3585-

Библиотека

Бюджетное научное учреждение
«Чувашский государственный институт
гуманитарных наук»

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- П.А. Искендеров — «Сибирская идентичность»: социально-экономические и этнокультурные аспекты..... 4
- К.А. Феофанов — Цивилизационно-исторические детерминанты русского мессианизма..... 8

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- И.Г. Петров — Пётр Андреевич Петров-Туринге — краевед-исследователь и этнограф..... 19

СООБЩЕНИЯ

- Б.Н. Ковалёв, С.В. Кулик — Работа советских органов государственной безопасности на оккупированной территории Ленинградской области (1941—1944 гг.). 32
- В.А. Поляков — К вопросу о причинах голода 1932—1933 гг.: на материалах Нижнего Поволжья..... 42
- А.С. Пученков — Южнорусское Белое движение и Польша в годы Гражданской войны (1919—1920 гг.)..... 53
- Г.С. Султангалиева, М.Е. Абдрахим — Казахские переводчики Семиреченской области..... 67

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- А.А. Горелов, В.А. Немтинов — Информационный анализ памятных мест, связанных с пребыванием и деятельностью В.Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) на Тамбовской земле..... 79

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- С.В. Волкова, Д.А. Пашенцев, Е.Н. Рудакова, С.В. Тимофеев, Н.Д. Эришвили** — Всемирная организация здравоохранения: история создания и развития. 94
- Г. Адигозалова** — Социально-экономические меры, принимаемые в направлении сокращения бедности в Азербайджане. 100
- Х.Г. Ниязов** — Правовая основа информационной безопасности: сравнительный подход. 107

НАРОДЫ РОССИИ

- С.Ю. Краснов** — Противодействие местным корреспондентам со стороны донских казачьих общин во второй половине XIX в. 114

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Ф.Д.П. Коммегни, В.И. Юртаев** — Миграционная политика Европейского союза. 134
- Э.В. Батунаев, Ю.Г. Григорьева** — Приграничное и региональное сотрудничество России и Монголии: история, тенденции и перспективы (на примере Республики Бурятия). 144
- Т. Аббасов** — Внешнеполитические приоритеты президента США Дж. Буша-младшего на Ближнем Востоке. 149
- И.Т. Нуриева** — Политико-правовая основа реализации принципа «Право на самоопределение». 159

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Л.П. Ануфриева** — Пётр Евгеньевич Казанский: что оставлено потомкам... (страницы истории науки международного права). 168
- Е.Х. Чаглайан (Гёзалова)** — Основные направления исследований научной школы академика Ягуба Махмудова. 187

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Е.И. Кокконен, А.С. Прищепа** — Советская техническая интеллигенция в условиях НТР (1950—1970 гг.). 194
- А.В. Берлов, Е.К. Минеева** — Экономическое поведение крестьянства в исследованиях ученых русской эмиграции в Европе в 1920-е гг. 201

О.П. Сайфутдинова — Становление социалистической кожевенной промышленности на примере Башкирской АССР (1917—1927 гг.).....	208
А.Ф. Мамедов — Из истории борьбы против большевистской власти в Азербайджане (по материалам Закавказского восстания 1920 г.).....	217
С.Д. Мамедова — Исторический генезис строительства социального государства в Азербайджане	225
Б.А. Ходжакулиева — Закаспийская общественная библиотека и музей.....	232
Тэн Юэ — Антияпонская борьба китайского народа (1931—1945 гг.) и ее отражение в песнях.....	237
Н. Махмутай — Политическая философия в Албании периода национального Возрождения	243

ИСТОРИЯ И ПРАВО

М.П. Пронина — Ретроспективное исследование юридической техники в уголовном законодательстве Советской России.....	250
Д.Н. Шкаревский — Специальные коллегии в советской судебной системе второй половины 1930-х гг.	257
В.С. Калиновская, С.И. Фёклин, А.Г. Чернявский, В.А. Шестак — Роль А.И. Урусова в развитии российской юриспруденции.....	266
А.А. Галушкин, А.А. Мецгер, Ю.А. Потапов, В.А. Шестак — История становления и развития прокуратуры в Австрийской Республике.....	271
Е.В. Майстрович, А. Марасулова, В.О. Миронов, А.А. Сафронова, Л.А. Харитонов — История политических и гражданских прав женщин в Норвегии.....	276
О.С. Мутиева — Исторический анализ соотношения обычного права и шариата с российским законодательством в пореформенный период (на материалах Дагестана).....	282

Пётр Андреевич Петров-Туринге — краевед- исследователь и этнограф

И.Г. Петров

Аннотация. В статье на основе опубликованных литературных источников и выявленных архивных материалов повествуется о жизни и деятельности педагога, краеведа и этнографа П.А. Петрова-Туринге (1887—1943). С привлечением документов, обнаруженных в архиве Управления ФСБ РФ по РБ, впервые раскрываются обстоятельства его ареста в 1937 г., а также некоторые детали уголовного дела по обвинению в антисоветской и контрреволюционной деятельности.

Ключевые слова: история, этнография, краеведение, Общество по изучению Башкирии, чуваш, П.А. Петров-Туринге, политические преследования и репрессии.

Abstract. The article is based on published literary sources and the revealed archival materials about the life and work of the teacher, local historian and ethnographer P.A. Petrov-Turinge (1887—1943). Involving documents discovered in the archives of the FSB of Russia on RB, for the first time disclosed the circumstances of his arrest in 1937 and some of the details of the criminal case on charges of anti-soviet and counterrevolutionary activities.

Key words: history, ethnography, local history, Society for the Study of Bashkortostan, chuvashs, P.A. Petrov-Turinge, political persecutions and repressions.

Некоторые факты, связанные с жизнью и деятельностью Петра Андреевича Петрова-Туринге (1887—1943), стали достоянием широкой общественности лишь с недавнего времени. Только в последние десятилетия благодаря изысканиям краеведов, ученых и исследователей-энтузиастов из забвения были возвращены имена многих незаслуженно забытых людей, в том числе тех, кто невинно пострадал в годы политических преследований и репрессий. К такому относится

Петров Игорь Георгиевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимский федеральный исследовательский центр РАН. E-mail: ipetrov62@yandex.ru.

Petrov Igor G. — PhD (History), leading scientific researcher at the Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev, subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS. E-mail: ipetrov62@yandex.ru.

и П.А. Петров-Туринге — талантливый педагог, краевед-исследователь, оставивший яркий след в изучении истории, культуры чувашей Башкирской АССР в 20—30-е гг. XX столетия. В восстановление исторической справедливости и возвращение имени П.А. Петрова-Туринге соотечественникам большой вклад внес уфимский ученый и краевед А.А. Кондратьев. В результате предпринятых поисков и контактов с родственниками им впервые были восстановлены биография П.А. Петрова-Туринге и основные вехи его жизненного пути. Кроме этого ему удалось отразить его вклад в просвещение чувашей и других народов края, а также разностороннюю научно-исследовательскую и краеведческую деятельность ученого¹. Помимо статей и очерков в монографиях материалы о нем Кондратьевым были опубликованы в периодической печати. Научная деятельность П.А. Петрова-Туринге и его вклад в изучение истории, культуры и быта чувашей Башкирской АССР получила освещение также в публикациях И.Г. Петрова².

Согласно исследованиям Кондратьева, род Петровых-Туринге (*Туринке*) сформировался в д. Большие Яуши Ядринского уезда Казанской губернии (в настоящее время это одноименное сельское поселение в Вурнарском районе Чувашской Республики). 12 августа 1858 г. здесь родился Андрей Петрович Петров (отец П.А. Петрова-Туринге). Рано оставшись без родителей, подростком он оказался в г. Казани и поступил в регентскую школу к протоиерею П.Д. Миловидову. У него же он потом и воспитывался в течение нескольких лет. По рекомендации И.Я. Яковлева А.П. Петров был направлен в Симбирскую чувашскую школу, которую закончил в 1874 году. С 1874 по 1877 гг. он обучался в Казанской инородческой учительской семинарии. Завершив учебу, вновь поехал в Симбирск и приступил к работе в Симбирской центральной чувашской школе в качестве учителя церковного пения и Закона Божия (законоучителя) в младших классах мужского и женского отделений. В это же время он работал учителем пения в Симбирской классической гимназии. Имея регентское образование, Петров проявлял громадный интерес к духовной музыке и церковному пению. Есть сведения, что он высказывал желание поехать в г. С.-Петербург, чтобы поступить в Придворную певческую капеллу и усовершенствовать там свои знания в музыке и пении. Желание Андрея Петровича было поддержано И.Я. Яковлевым и С.В. Смоленским, преподавателем музыки и пения Казанской инородческой учительской семинарии. Однако предложение о годичной командировке Петрова в С.-Петербург не одобрил Н.И. Ильминский, который остерегался отправлять его в столицу, по его словам, сплошь наполненную революционной пропагандой³. Тем не менее, Андрей Петрович свое увлечение не забросил и все свои знания в этой области решил использовать на практике. Вскоре в Симбирской чувашской школе он организовал хор мальчиков, преподавал им теорию музыки и церковное пение, обучал игре на скрипке. Спустя короткое время, хор чувашской школы в Симбирске завоевал большую популярность, и его стали часто приглашать на городские церковные службы, земские собрания и другие массовые торжества. По воспоминаниям Ильминского, послушать пение хора приезжали также чуваша из окрестных селений, иногда расположенных за сотни верст. Будучи одаренной личностью, Петров собирал также чувашские песни

и мелодии, готовил и издавал учебные пособия по музыке и церковному песнопению для чувашских школ ⁴. Как и многие преподаватели, под руководством Яковлева он также привлекался к переводам на родной язык книг религиозно-нравственного содержания. А 24 февраля 1885 г., после завершения строительства при Симбирской чувашской школе домово́й церкви, Петров был рукоположен на должность настоятеля и приступил к проведению регулярных церковных служб. Однако вскоре его жизнь сделала резкий поворот. В начале 1889 г. после 11-летней безупречной службы в чувашской школе он переехал в Уфимскую губернию и стал служить священником Свято-Троицкой церкви в с. Бижбуляк. Что же заставило Андрея Петровича принять столь неожиданное решение? Как предполагает Кондратьев, этот поступок объясняется пылкой натурой Андрея Петровича, на что в одном из писем Яковлеву обратил внимание Ильминский. О напряженных отношениях, сложившихся между Андреем Петровичем и Иваном Яковлевичем в конце 1888 г., свидетельствует также письмо И. Я. Яковлева Н. И. Ильминскому. Оно было написано за 2—3 месяца до отъезда Андрея Петровича в Уфимскую губернию ⁵. По другой версии, Петров был сильно переутомлен возложенными на него обязанностями и решил испытать себя на новом поприще.

В далекий Уфимский край он переехал вместе с супругой Анной Сергеевной и старшим сыном Петром, которому к тому времени исполнилось полтора года. Второй сын, Владимир, появился на свет в Бижбуляке 22 августа 1889 года. Однако наполненная счастьем семейная жизнь продолжилась недолго — 31 января 1892 г. при родах третьего ребенка Анна Сергеевна скоротечно скончалась, и мальчики осиротели. Несмотря на этот удар, Андрей Петрович не замкнулся, а с достоинством выполнял свой долг, проявив себя ревностным служителем Церкви. Кроме обязанностей настоятеля Свято-Троицкой церкви в с. Бижбуляк он регулярно проводил службы в окрестных селах и деревнях, способствовал открытию в них новых приходов и церквей, вел миссионерскую деятельность. Много внимания он также уделял появлению в чувашских селах и деревнях церковно-приходских и миссионерских школ. В 1890 г. в Бижбуляке в своем доме он открыл и на свои средства содержал женскую школу грамоты, способствовал открытию в селе двухклассной церковно-приходской школы, организовал при школе хор учащихся и исполнял в ней обязанности законоучителя.

Священником в с. Бижбуляк он прослужил 16 лет, а затем около 7 лет исполнял должность благочинного 4-го благочиннического округа Белебеевского уезда. В 1902 г. по собственному прошению он оставил должность благочинного и перешел на должность священника в с. Старые Алгаши, а затем — в с. Балабаш-Баишево Симбирского уезда. 10 октября 1909 г., согласно прошению, он снова попросился на службу в Уфимскую епархию и получил назначение на штатное священническое место в Михайло-Архангельскую церковь с. Слакбаш Белебеевского уезда. Однако служить в Слакбаше ему не довелось. Он по-прежнему жил в Балабаш-Баишеве, так как между Уфимской и Симбирской епархиями завязалась долгая переписка по определению его дальнейшей церковной службы. Вскоре Петров тяжело заболел и в конце зимы перебрался к сыну Владимиру в Уфу. Андрей Петрович скончался в г. Уфе 23 апреля

1913 года. Его отпевание было совершено 25 апреля в Покровской церкви семью священниками во главе с местным протоиереем Мироновым и Благочинным городских церквей Гуменским. В некрологе, посвященном памяти усопшего, отмечалось, что, А.П. Петров, будучи достойным учеником своего учителя и просветителя Н.И. Ильминского, немало потрудился над просвещением чувашей Белебеевского уезда, и, что им было положено много труда на переводы книг на чувашский язык ⁶. Кроме небольшого некролога, опубликованного в Уфимских епархиальных ведомостях, в этом же периодическом издании была помещена памятная статья о нем. В ней подчеркивалась большая роль Андрея Петровича в священнической и миссионерской деятельности, в открытии новых приходов и школ, открытии в Бижбуляке двухклассной церковно-приходской школы, в поиске для школ учителей, в распространении среди чувашского населения Уфимской губернии книг и хорового пения. Также отмечалось, что он принимал энергичные меры по направлению чувашских юношей и девушек в Симбирск и другие города для получения ими учительского образования ⁷.

Как уже было отмечено, у А.П. Петрова-Туринге было двое детей. Старший сын Пётр родился 6 июня 1887 г. в г. Симбирске, второй сын Владимир — 22 августа 1889 г. в Бижбуляке. Третий ребенок умер во время родов, а после этого скоропостижно скончалась и мать младенца. Женился ли Андрей Петрович второй раз, неизвестно. Есть основания предполагать, что остаток жизни он прожил вдовцом и воспитывал сыновей один. Когда Петру исполнилось 14 лет, отец определил его в Уфимскую духовную семинарию. Двумя годами позже туда же на учебу был направлен его брат Владимир. Выбор Андрея Петровича Уфимской духовной семинарии для своих сыновей можно объяснить тем, что он, вероятно, хотел, чтобы они пошли по его стопам и стали священниками. С другой стороны, его на это толкали экономические трудности и недостатки домашнего воспитания, потому что обучение в семинариях было бесплатным, причем сироты и дети бедных родителей в учебное заведение принимались за казенный счет. Однако в итоге по духовной линии пошел только Владимир, а Пётр решил посвятить свою жизнь просвещению родного народа. В 1908 г. после окончания семинарии он направился в г. Уральск Оренбургской губернии к Павлу Мироновичу Мионову — давнему другу своего отца. П.М. Мионов в это время занимал должность инспектора народных училищ Оренбургского учебного округа и был известен как выдающийся педагог, математик и общественный деятель. Здесь по его ходатайству П.А. Петров-Туринге устроился учителем в местное четырехклассное училище и полностью погрузился в преподавательскую деятельность. Однако мечта получить высшее образование не покидала юношу. В 1910 г. Петров-Туринге оставил г. Уральск и поступил в Казанский ветеринарный институт. В Казани он с головой окунулся в кипучую общественную жизнь: стал одним из организаторов Союза чувашских студентов, неоднократно встречался с политическими и общественными деятелями из чувашей и горячо обсуждал с ними пути дальнейшего развития России и входящих в ее состав народов, в том числе и чувашей. Однако завершить полный курс обучения в институте ему не удалось. В 1912 г. из-за тяжелой болезни отца и невозможности оплачивать даль-

нейшую учебу он вынужден вернуться к себе на родину. Вскоре он приступил к обязанностям заведующего земской библиотекой в с. Кутанак Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Здесь Пётр Андреевич усиленно занимался самообразованием, а в свободное время собирал различные материалы по истории и культуре местных чувашей. Особенно большую работу в данном направлении он развернул после Октябрьской революции, когда работал учителем в с. Трапино того же уезда. Здесь на общественных началах он организовал историко-краеведческий музей, собирал старинные предметы быта, записывал названия местных трав и на их основе составил рукописный чувашско-русский словарь, кроме того, он собирал произведения чувашского фольклора — народные песни и приметы⁷, которые он позже обобщил в небольшой статье⁸.

Осенью 1926 г. П. А. Петров-Туринге был срочно приглашен в г. Уфу, где ему предложили поработать в Приуральском чувашском педагогическом техникуме (ПЧПТ) в качестве завуча и преподавателя гуманитарных дисциплин. Несмотря на большую занятость организационной и педагогической работой, заниматься краеведением и научными исследованиями он не перестал. Он писал статьи и рецензии на книги⁹, вел переписку с учеными, принял участие в I Чувашской краеведческой конференции, которая в 1928 г. состоялась в г. Чебоксары.

Талант и организаторские способности Петрова-Туринге как краеведа и ученого особенно ярко проявились в период исполнения им на общественных началах обязанностей председателя Чувашской секции при Обществе по изучению Башкирии. Данное общество было создано Постановлением ЦИК автономией Башкирской республики в феврале 1922 г. в г. Стерлитамак. Первоначально оно называлось Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии и находилось в ведении Наркомата просвещения БАССР. С переводом в г. Уфу (сентябрь 1922 г.) оно объединилось с Обществом по изучению Южного Урала, действовавшим при Губернском краеведческом музее, после чего стало называться Обществом по изучению Башкирии (ОИБ).

В сферу основных научных направлений ОИБ входило изучение природных ресурсов, истории и этнографии народов края, создание сети музеев и библиотек, руководство деятельностью местных (кантонных и волостных) отделений общества и кружков краеведения¹⁰. С утверждением нового устава, принятого на общем собрании ОИБ в мае 1926 г., целью общества было поставлено «всестороннее изучение Башкирии в культурно-историческом, естественно-историческом и экономическом отношениях, распространение знаний о крае и развитие в Башкирии краеведческой работы»¹¹.

В состав общества структурно входило пять секций: историко-археологическая (с 1922 г.), этнографическая (с 1922 г.), естественно-географическая (с марта 1928 г.), педагогическая (с 1927 г.), чувашская (с 1927 г.). В этнографической секции в качестве структурных подразделений существовали подсекции: а) по изучению быта, нравов и материальной культуры башкир; б) литературно-лингвистическая; в) по изучению башкирского искусства.

В ОИБ в 1922 г. входило 6 чел.¹², в 1924—1925 гг. — 58, в 1925—1926 гг. — 76, в 1926—1927 гг. — 92, в 1928 г. — 115. Членами ОИБ со-

стояли и тесно с ним сотрудничали многие видные деятели науки, литературы, искусства и краеведения: Г.В. Вахрушев, Г.Ф. Вильданов, Х.Г. Габитов, Н.К. Дмитриев, П.Ф. Ищериков, М.И. Касьянов, Г.И. Комиссаров, С.Г. Мрясов, И.В. Салтыков, Р.Ф. Фахретдинов, З. Шакиров и др. Почетными членами ОИБ были избраны В.В. Бартольд, М. Гафури, А.А. Диваев, Г. Ибрагимов, С.И. Руденко, А.Н. Самойлович, А.В. Шмидт и др.

С момента создания до его расформирования (1932 г.) председателями правления общества трудились Н.Г. Тагиров, Ш. Сюнчелей и др. Итоги проведенных исследований ОИБ и собранные материалы периодически печатались в журналах «Башкирский краеведческий сборник», «Башкорт аймагы», «Аймак», а также в Бюллетене Башкирского областного бюро краеведения¹³.

Как уже было указано, одним из структурных подразделений ОИБ являлась Чувашская секция. Она была образована в мае 1927 г. и объединяла в своих рядах 21 человека. Из них 19 чел. были чувашской национальности, 2 — русской. Председателем секции был избран П.А. Петров-Туринге. Здесь проводились собрания, на которых кроме обсуждения текущих и организационных вопросов регулярно заслушивались научные доклады. Так, в отчете о деятельности ОИБ за 1926—1928 гг. сообщается, что чувашской секцией за указанный период было проведено семь собраний, на которых были заслушаны три научных доклада П.А. Петрова-Туринге: «Пища и питье чувашей Башреспублики», «Чуваши, их история и культура», «Чуваши и Крым»¹⁴. Также отмечается, что члены секции участвовали в подготовке материалов для краеведческой хрестоматии на чувашском языке, организовали кружок по изучению чувашской культуры в Чувашском педагогическом техникуме, приступили к изучению чувашского фольклора, собрали 400 пословиц и 200 народных примет¹⁵, приняли организационные меры по сохранению творческого наследия чувашского поэта Константина Иванова. В частности сообщается, что Петров-Туринге совершил поездку в с. Слакбаш Белебеевского кантона и привез оттуда рукописи произведений К.В. Иванова, сделанные поэтом рисунки и иллюстрации для первого чувашского букваря, а также три фотографии с нарисованных портретов отца, матери и друга поэта. В отчете также говорится, что в 1926—1928 гг. преподавателем естествознания ПЧПТ М.А. Гороховым велась работа по записыванию чувашских народных песен и их гармонизации, а художником И.Н. Самариным — работа по изучению чувашских орнаментов и подготовке иллюстрированного альбома.

Достаточно весомым результатом деятельности Чувашской секции стала комплексная экспедиция по изучению культуры и быта чувашей республики. Она была организована П.А. Петровым-Туринге летом 1929 г. с участием членов Чувашской секции, а также преподавателей и студентов ПЧПТ. По сути, это была первая научная экспедиция по комплексному исследованию чувашского населения БАССР. Участниками экспедиции была составлена обширная программа по изучению хозяйства, быта, экономического состояния, норм обычного права, культуры, искусства и народного просвещения. Программы по исследованию жилищ, одежды и питания были составлены при участии и руководстве ученых Антропо-

логического отряда Башкирской экспедиции АН СССР. Экспедиционный отряд, основу которого составили 30 студентов третьего курса ПЧПТ, в июне-июле организовал работу в семи населенных пунктах Белебеевского кантона: Слакбаше, Кош-Елга, Кистенли-Богданово, Базлык-Васильевке, Бижбуляке, Елбулаке, Зириклах. В настоящее время все они — одноименные населенные пункты, входящие в состав Белебеевского и Бижбулякского районов РБ. В статье «Работа среди чуваш», написанной по предварительным итогам экспедиции, Петров-Туринге писал, что за полтора месяца участниками экспедиции «проведено через антропометрию более тысячи чувашских детей, собраны материалы по народному образованию, экономике и гигиене, заснято 1200 планов домов и дворов, зарегистрировано на фонографических валиках около 100 народных песен, измерено в течение недели в 12 семьях разного экономического достатка количество потребляемых продуктов, сделано 200 фотоснимков, собраны интересные данные (в т.ч. детские рисунки) для установления интеллектуального развития детей»¹⁶. В заключительной части статьи автор кратко остановился на поселенческой структуре, особенностях планировки жилищ и интерьера, хозяйственных занятиях, национальной кухне и режиме питания, религии и религиозных верованиях чувашей. Здесь же Петров воспроизвел две фотографии. На первой запечатлены руководители экспедиции и студенты ПЧПТ в чувашских национальных костюмах, а на второй — участники чувашского языческого моления «уучуко» в с. Базлык-Васильевка Белебеевского кантона¹⁷.

Во время экспедиции его участниками проводилась большая общественная работа. В каждой деревне ставился спектакль с вокальным отделением, проводились беседы о целях и задачах экспедиции и о краеведении в целом, читались доклады о решениях XVI партконференции по вопросам сельского хозяйства, собирались делегатские собрания женщин, организовывались кампании по подписке газет и журналов¹⁸.

Результаты экспедиции широко освещались местной периодической печатью. Так, в статье «Изучение быта чувашей. Возвращение экспедиции Чувпедтехникума» сообщается, что «ценность собранных материалов настолько велика, что можно будет (после проработки) ясно представить жизнь и быт чуваш, которые в Башкирии почти не изучены. А если к этому добавить, что экспедицией собран богатый материал по истории, чувашским обычаям и обычному праву, можно с уверенностью сказать, что экспедицией внесен ценный вклад в дело изучения народностей нашего Союза»¹⁹. Итоги экспедиции высоко оценил и начальник Антропологического отряда Башкирской экспедиции АН СССР Баронов. В своей статье он отметил, что собранный материал «велик по количеству, глубоко интересен по содержанию и исключителен по четкости и аккуратности его регистрации. Последнего нельзя обойти молчанием. Нельзя не выразить также изумления как можно было в такой сравнительно короткий срок так много и так хорошо сделать силами молодых исследователей-студентов. Несомненно в этом деле большая роль завуча техникума, руководителя краеведческой секции, преподавателя чувашского языка и литературы П.А. Петрова. Успех работы экспедиции явился результатом длительной и тщательной подготовки ее. Экспедиция была организована педтехникумом совместно с Обществом по изучению Башкирии,

причем последнее в недалеком будущем уже получит несомненно интересные для него данные о жизни чувашей, которые будут извлечены из собранных материалов»²⁰.

К большому сожалению, собранные экспедицией материалы не были до конца обработаны и оставались неизвестными для этнографической науки достаточно долгое время. Тому было несколько обстоятельств. Во-первых, после упразднения ОИБ Чувашская секция прекратила свое существование. Во-вторых, это было обусловлено тем, что решением Наркомата просвещения БАССР ПЧПТ был реорганизован и переведен из столицы республики в город Белебей. В Белебей вместе с педтехникумом перебрался и П.А. Петров-Туринге. В-третьих, начиная с 30-х гг. XX в., по всей стране все больший размах стала набирать политика массовых репрессий, в жернова которых попали десятки тысяч ни в чем не повинных людей. Под этот каток попал и Петров-Туринге, который в конце 1937 г. в числе 63 чел. был обвинен в участии в контрреволюционной организации. По надуманным доказательствам и фактам участникам организации была вменена в вину подготовка кадров из враждебно настроенных к советской власти элементов и кулаков путем вербовки, а также создание контрреволюционной повстанческой организации с целью подготовки вооруженного восстания. Фигуранты возбужденного чекистами дела были жителями г. Белебея и близлежащих селений. В антисоветской и контрреволюционной деятельности под одну гребенку были обвинены колхозники, председатели колхозов, агрономы, секретари первичных партийных организаций, инструкторы, счетоводы, бухгалтеры, учителя, служащие. В число арестованных попали также бывшие белые офицеры, дворяне, торговцы, участники крестьянского восстания «Черный орел» 1920 г., крестьяне-единоличники, бывшие и действовавшие священники. В процессе ознакомления с материалами дела создается впечатление, что местным органам НКВД сверху был спущен особый заказ на какое-нибудь крупное и резонансное дело. Поражает не только скорость проведения следственных мероприятий (неполных 3 месяца), но и надуманность и предвзятость многих выдвинутых обвинений. В частности, арестованные обвинялись в том, что в случае войны Германии и Японии против СССР они должны были поднять контрреволюционный мятеж, захватить оружие местного ОСОАВИАХИМ-а, разоружить и арестовать сотрудников НКВД и местного батальона, занять телеграф, банк, железнодорожную станцию, тюрьму и захватить власть. И, конечно, всех обвиняли во вредительстве, антисоветской агитации, вербовке в свои ряды лиц, недовольных советской властью.

Пётр Андреевич Петров-Туринге был арестован 23 декабря 1937 г. на основании выписанного Белебеевским районным отделом НКВД ордера²¹. В этот же день в доме Петра Андреевича на ул. Фонтанка, 7 был произведен обыск. В момент ареста семья Петрова-Туринге состояла из четырех человек: супруги Герасимовой Екатерины Николаевны 42 лет и трех сыновей: Исая 19 лет, Евгения 18 лет и Ариса 10 лет.

Допрос Петра Андреевича был проведен 26 декабря 1937 года²². Протокол допроса насчитывает всего восемь страниц. Две из них представляют собой напечатанные в типографии страницы бланка протокола допроса, в котором изложены анкетные данные: ФИО, дата и место

рождения, место жительства, национальность, гражданство, социальное положение и социальное происхождение, род занятий до и после революции, состав семьи, образование и т.д. Далее идет рукописный текст протокола, состоящий из вопросов следователя и ответов допрашиваемого. Текст допроса написан как под копирку, потому что после высказанного короткого замечания следователя не препираться, а чистосердечно во всем признаться, идет полное раскаяние арестованного в содеянном. Однако признания Петрова-Туринге в участии в контрреволюционной организации следователям было недостаточно. Им было важно, чтобы арестованный еще сознался во вредительстве. Под нажимом следователей Петров вынужден был сознаться в том, что он, работая в Белебеевском педучилище, «давал неправильное воспитание учащимся, загружал их работой так, чтобы они не могли учить уроков, ставил неправильные оценки успеваемости, чем вызывал неудовольствие среди учащихся»²³. Это, по вердикту следователей, привело к тому, что «к концу учебного года учащиеся выпускались неграмотные, а в лучшем случае — малограмотные»²⁴. Трудно себе представить, чтобы Пётр Андреевич, отдавший всю свою жизнь педагогической работе, мог согласиться со столь абсурдным обвинением. Очевидно, это произошло под нажимом следователей, допускавших незаконные приемы дознания. В итоге, на основании обвинительного заключения Белебеевского районного отдела НКВД БАССР,²⁵ П.А. Петров-Туринге в числе 63 чел. был признан виновным в участии в контрреволюционной повстанческой организации и 29 декабря 1937 г. на основании протокола заседания Тройки НКВД БАССР был признан виновным по ст. 58 (пп. 10—11) УК РСФСР и приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет²⁶.

К сожалению, материалы уголовного дела не дают полной информации, где именно и в каких лагерях ГУЛАГ П.А. Петров-Туринге отбывал свой срок. В справке, которая датируется 1940-м г., сообщается, что П.А. Туринге был арестован в 1937 г. за контрреволюционную деятельность, приговорен к 10 годам лишения свободы и находится в тюремном заключении в ИТК № 9²⁷. Этот же номер исправительно-трудовой колонии указывается в двух письмах-жалобах, написанных Туринге 8 и 9 августа 1940 года. Одно письмо им было направлено на имя народного комиссара внутренних дел БАССР²⁸, а второе — на имя народного комиссара внутренних дел СССР. В обоих письмах он именует себя заключенным ИТК № 9 при Крекингстрое. Это дает основание полагать, что первые три года своего срока Туринге отбывал на строительстве крупного нефтеперерабатывающего предприятия «Уфимский крекинг», которое в 1935 г. было начато на северной окраине г. Уфы. В настоящее время это Уфимский нефтеперерабатывающий завод. По содержанию оба письма являются идентичными. В них Туринге изложил суть своего дела, отметил, что его признание в содеянном явилось вынужденными что оно полностью сфабриковано следователем (в оригинале письма написано «средактировано»). Он также отметил, что многих свидетелей, упомянутых в обвинительном заключении, он не знал, и что очных ставок с ними следственные органы не проводили. Необходимо отметить, что с фактом незаконного обвинения в контрреволюционной деятельности Петров-Туринге не смирился и боролся за восстановление справедливости. Об этом

говорят не только его письма, но и короткая ремарка в конце письма народному комиссару НКВД СССР. В частности, он писал, что за период своего заключения (с 1937 по 1940 гг. — *И.П.*) в Прокуратуру им было подано шесть жалоб, но ни одна из них не возымела действия²⁹. Один из отказов по линии Прокуратуры БАССР имеется в деле. Это — заключение заместителя прокурора БАССР по специальным делам, предпринятое в порядке надзора уголовного дела № 2499. Заключение было подготовлено 22 июля 1940 года. В постановляющей части документа касательно П. А. Туринге в качестве основания для отказа взято его «нежелательное» социальное происхождение. В частности, написано следующее: «Приняв во внимание, что Туринге является сыном попа, принесение по делу протеста считаю нецелесообразным»³⁰. Аналогичное решение было вынесено по линии НКВД БАССР 17 сентября 1940 года³¹.

Тем не менее, хотя и с опозданием справедливость восторжествовала. Как известно, после смерти И. В. Сталина был начат процесс реабилитации репрессированных, в связи с чем были инициированы масштабные проверки ранее возбужденных уголовных дел. Такая же проверка была предпринята в отношении уголовного дела, по которому проходил П. А. Петров-Туринге. Эта проверка была проведена по линии КГБ при Совете Министров БАССР 31 августа 1956 года³². Старший следователь следственного отдела данного ведомства, рассмотрев архивно-следственное дело, пришел к заключению, что все проходившие по этому делу 63 чел. были арестованы и осуждены необоснованно, по непроверенным и противоречивым материалам. Результаты проверки показали, что признательные показания на предварительном следствии осужденные подписывали в результате применения к ним незаконных методов ведения следствия, а также запугиваний и уговоров. Было установлено, что сотрудники Белебеевского районного отдела НКВД БАССР, в частности, применяли т.н. «конвеерную систему» и ночные допросы. Следователем были обнаружены грубейшие нарушения уголовно-процессуальных норм: арест обвиняемых без санкций прокурора, отказ осужденным в очных ставках, опора следствия на непроверенные и противоречивые свидетельские показания, неконкретность и расплывчатость выдвигаемых обвинений, отсутствие санкций вышестоящих лиц на обвинительном заключении и т.д. То есть были перечислены десятки аргументов, которые свидетельствовали, что уголовное дело было сфабриковано от начала до конца. В заключении следователь вынес ходатайство о направлении дела в Прокуратуру БАССР для решения вопроса о принесении протеста на предмет отмены Постановления Тройки НКВД БАССР от 29 декабря 1937 г. и прекращения дела за недостаточностью выдвинутых улик и за отсутствием состава преступления. Через некоторое время такой же протест был сделан по линии Прокуратуры БАССР, которая полностью согласилась с материалами дополнительной проверки. 30 декабря 1956 г. Президиум Верховного Суда БАССР вынес постановление о необоснованном возбуждении данного дела и своим решением окончательно отменил Постановление Тройки НКВД БАССР от 29 декабря 1937 г. в отношении всех 63 осужденных³³.

Где и в каком году закончил свой жизненный путь П. А. Петров-Туринге остается неизвестным. По информации А. А. Кондратьева, которую

он получил от родственников, он трагически погиб во время этапирования заключенных, попав под движущийся состав поезда...

Тем не менее, несмотря на стечение трагических обстоятельств, материалы экспедиции 1929 г. сохранились, хотя и не в полном объеме. Лишь по счастливой случайности они остались в делах Института национальной культуры (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН). В 1962 г. руководством ИИЯЛ БФ АН СССР они были переданы В.Д. Дмитриеву — руководителю научной экспедиции Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР, прибывшей в БАССР и Оренбургскую область для проведения комплексных исследований по изучению быта, фольклора и языка чувашей Южного Урала. Есть сведения, что инициатором передачи этих материалов был историк ИИЯЛ С.М. Васильев. С тех пор они хранятся в Научном архиве института, в настоящее время — Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН)³⁴. В основном это результаты проведенных студентами антропометрических исследований, планы усадеб и жилищ, а также уникальная фотоколлекция, состоящая из 80 фотографий. В архиве института находятся также 40 фоноваликов с записями чувашских народных песен и инструментальных наигрышей. Остальные материалы экспедиции (тексты народных песен, результаты измерений состава и калорийности питания крестьян, детские рисунки и т.д.) не обнаружены.

Небольшая коллекция копий экспедиционных фотографий П.А. Петрова-Туринге с пометой «Общество по изучению Башкирии» хранится в фотоархиве Отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН. Такая же небольшая коллекция фотографий П.А. Петрова-Туринге отложилась в Отделе фотодокументов Национального музея Республики Башкортостан. Из всех имеющихся коллекций, коллекция фотографий, хранящаяся в фондах Научного архива ЧГИГН, является наиболее полной и атрибутированной. Известно, что Петров-Туринге всю свою жизнь увлеченно занимался фотографией. Поэтому есть основания считать, что имеющиеся в архиве фотографии сделаны самим ученым. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в своем отчете о работе в экспедиции Петров-Туринге не упоминает о присутствии профессионального фотографа.

Большинство фотографий аннотировано, часть хранится без аннотаций. Пояснения к фотографиям сделаны простым карандашом на обороте снимков, вероятно, рукой ученого. Кроме фотографий, сделанных во время экспедиции 1929 г., в коллекции имеется несколько снимков, отснятых ученым в 1930 г. в Новоефedorовке и Антоновке Стерлитамакского кантона БАССР.

Тематически коллекция фотографий достаточно разнообразна. В ней представлены такие этнографические темы, как «Поселения, жилища и надворные постройки», «Хозяйственные занятия и промыслы», «Традиционный костюм», «Быт», «Обычаи и обряды», «Религиозные верования». Наиболее полно в собрании фотографий Петрова-Туринге показаны типы крестьянских жилищ и хозяйственных построек, занятия, а также праздничная и повседневная одежда чувашей. Большинство фотографий запечатлели объекты в статичном виде, а другие имеют «картинную композицию и объединены сюжетной линией»³⁵. К таковым относятся такие фотографии, как «Раскалывание и растягивание холста», «Женщины

говорят не только его письма, но и короткая ремарка в конце письма народному комиссару НКВД СССР. В частности, он писал, что за период своего заключения (с 1937 по 1940 гг. — *И.П.*) в Прокуратуру им было подано шесть жалоб, но ни одна из них не возымела действия ²⁹. Один из отказов по линии Прокуратуры БАССР имеется в деле. Это — заключение заместителя прокурора БАССР по специальным делам, предпринятое в порядке надзора уголовного дела № 2499. Заключение было подготовлено 22 июля 1940 года. В постановляющей части документа касательно П.А. Туринге в качестве основания для отказа взято его «нежелательное» социальное происхождение. В частности, написано следующее: «Приняв во внимание, что Туринге является сыном попа, принесение по делу протеста считаю нецелесообразным» ³⁰. Аналогичное решение было вынесено по линии НКВД БАССР 17 сентября 1940 года ³¹.

Тем не менее, хотя и с опозданием справедливость восторжествовала. Как известно, после смерти И.В. Сталина был начат процесс реабилитации репрессированных, в связи с чем были инициированы масштабные проверки ранее возбужденных уголовных дел. Такая же проверка была предпринята в отношении уголовного дела, по которому проходил П.А. Петров-Туринге. Эта проверка была проведена по линии КГБ при Совете Министров БАССР 31 августа 1956 года ³². Старший следователь следственного отдела данного ведомства, рассмотрев архивно-следственное дело, пришел к заключению, что все проходившие по этому делу 63 чел. были арестованы и осуждены необоснованно, по непроверенным и противоречивым материалам. Результаты проверки показали, что признательные показания на предварительном следствии осужденные подписывали в результате применения к ним незаконных методов ведения следствия, а также запугиваний и уговоров. Было установлено, что сотрудники Белебеевского районного отдела НКВД БАССР, в частности, применяли т.н. «ковсерную систему» и ночные допросы. Следователем были обнаружены грубейшие нарушения уголовно-процессуальных норм: арест обвиняемых без санкций прокурора, отказ осужденным в очных ставках, опора следствия на непроверенные и противоречивые свидетельские показания, неконкретность и расплывчатость выдвигаемых обвинений, отсутствие санкций вышестоящих лиц на обвинительном заключении и т.д. То есть были перечислены десятки аргументов, которые свидетельствовали, что уголовное дело было сфабриковано от начала до конца. В заключении следователь вынес ходатайство о направлении дела в Прокуратуру БАССР для решения вопроса о принесении протеста на предмет отмены Постановления Тройки НКВД БАССР от 29 декабря 1937 г. и прекращения дела за недостаточностью выдвинутых улик и за отсутствием состава преступления. Через некоторое время такой же протест был сделан по линии Прокуратуры БАССР, которая полностью согласилась с материалами дополнительной проверки. 30 декабря 1956 г. Президиум Верховного Суда БАССР вынес постановление о необосновании возбуждении данного дела и своим решением окончательно отменил Постановление Тройки НКВД БАССР от 29 декабря 1937 г. в отношении всех 63 осужденных ³³.

Где и в каком году закончил свой жизненный путь П.А. Петров-Туринге остается неизвестным. По информации А.А. Кондратьева, которую

он получил от родственников, он трагически погиб во время этапирования заключенных, попав под движущийся состав поезда...

Тем не менее, несмотря на стечение трагических обстоятельств, материалы экспедиции 1929 г. сохранились, хотя и не в полном объеме. Лишь по счастливой случайности они остались в делах Института национальной культуры (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН). В 1962 г. руководством ИИЯЛ БФ АН СССР они были переданы В.Д. Димитриеву — руководителю научной экспедиции Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР, прибывшей в БАССР и Оренбургскую область для проведения комплексных исследований по изучению быта, фольклора и языка чувашей Южного Урала. Есть сведения, что инициатором передачи этих материалов был историк ИИЯЛ С.М. Васильев. С тех пор они хранятся в Научном архиве института, в настоящее время — Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) ³⁴. В основном это результаты проведенных студентами антропометрических исследований, планы усадеб и жилищ, а также уникальная фотоколлекция, состоящая из 80 фотографий. В архиве института находятся также 40 фоноваликов с записями чувашских народных песен и инструментальных наигрышей. Остальные материалы экспедиции (тексты народных песен, результаты измерений состава и калорийности питания крестьян, детские рисунки и т.д.) не обнаружены.

Небольшая коллекция копий экспедиционных фотографий П.А. Петрова-Туринге с пометой «Общество по изучению Башкирии» хранится в фотоархиве Отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН. Такая же небольшая коллекция фотографий П.А. Петрова-Туринге отложилась в Отделе фотодокументов Национального музея Республики Башкортостан. Из всех имеющихся коллекций, коллекция фотографий, хранящаяся в фондах Научного архива ЧГИГН, является наиболее полной и атрибутированной. Известно, что Петров-Туринге всю свою жизнь увлеченно занимался фотографией. Поэтому есть основания считать, что имеющиеся в архиве фотографии сделаны самим ученым. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в своем отчете о работе в экспедиции Петров-Туринге не упоминает о присутствии профессионального фотографа.

Большинство фотографий аннотировано, часть хранится без аннотаций. Пояснения к фотографиям сделаны простым карандашом на обороте снимков, вероятно, рукой ученого. Кроме фотографий, сделанных во время экспедиции 1929 г., в коллекции имеется несколько снимков, снятых ученым в 1930 г. в Новофедоровке и Антоновке Стерлитамакского кантона БАССР.

Тематически коллекция фотографий достаточно разнообразна. В ней представлены такие этнографические темы, как «Поселения, жилища и надворные постройки», «Хозяйственные занятия и промыслы», «Традиционный костюм», «Быт», «Обычаи и обряды», «Религиозные верования». Наиболее полно в собрании фотографий Петрова-Туринге показаны типы крестьянских жилищ и хозяйственных построек, занятия, а также праздничная и повседневная одежда чувашей. Большинство фотографий запечатлели объекты в статичном виде, а другие имеют «картинную» композицию и объединены сюжетной линией» ³⁵. К таковым относятся такие фотографии, как «Расколачивание и растягивание холста», «Женщины

и дети на деревенской улице», «Чувашка за прялкой» и др. Особый интерес представляет небольшая серия фотографий, на которых показано полевое моление (*уй чук, учук*) чувашей-язычников в с. Базлык-Васильевка Белебеевского кантона. Ценность фотографий заключается в том, что участникам экспедиции удалось во всех деталях зафиксировать древне-чувашский обряд, который по инерции еще соблюдался здешними чувашами. Опытный глаз ученого зафиксировал почти все основные этапы моления. Показано обливание жертвенного животного водой, приготовление жертвенной пищи, коллективное моление во главе с главным молельщиком, общая трапеза участников обряда и т.д. В целом, коллекция фотографий Петрова-Туринге представляют большую научную ценность. Она всесторонне показывает материальную культуру, быт, обычаи и обряды приуральских чувашей начала XX века.

Пётр Андреевич Петров-Туринге прожил короткую, но яркую и насыщенную жизнь. Вся она была посвящена служению родному народу, прежде всего, его просвещению и научному познанию. Благодаря стараниям краеведов светлое имя П.А. Петрова-Туринге вернулось чувашскому народу, и он по праву занял достойное место среди замечательных его представителей из среды научной интеллигенции. Хотя и не в полном объеме, но сохранилось научное и творческое наследие Петрова-Туринге. Это опубликованные научные статьи и архивные документы. В Научном архиве ЧГИГН сохранились материалы экспедиции 1929 г.³⁶, а также записанные им в разных чувашских селениях БАССР народные сказки³⁷. А это значит, что накопленные им материалы не канули в вечность. Наоборот они остаются востребованными и продолжают приносить неоценимую пользу.

Примечания

- Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН за 2020 год (№ АААА-А18—118041290047—7).
1. КОНДРАТЬЕВ А.А. Учитель-краевед. В кн.: Сердцу близкие имена: краеведческий сборник. Уфа. 1998, с. 149—156; ЕГО ЖЕ. Свет из Симбирска. Уфа. 1998, с. 176—187; ЕГО ЖЕ. Гурий Комиссаров — краевед и просветитель. Уфа. 1999, с. 507—508.
2. ПЕТРОВ И.Г. П.А. Петров-Туринге — педагог, краевед и ученый-этнограф. В кн.: Археология Южного Урала: мат-лы VII Межрегион. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. Уфа, 14 декабря 2007 г. Уфа. 2007, с. 130—137; ЕГО ЖЕ. Слово о педагоге, краеведе и этнографе П.А. Петрове-Туринге. — Чувашский гуманитарный вестник. 2007, № 3, с. 32—44; ЕГО ЖЕ. Прерванный полет: к биографии П.А. Петрова-Туринге (1887—1943). В кн.: Политические преследования и репрессии 1920—1950-х годов в судьбах интеллигенции Чувашии: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 21 марта 2014 г. Чебоксары. 2014, с. 167—174; ЕГО ЖЕ. К истории первой научной экспедиции по изучению чувашей Башкирии. В кн.: От племени к этносу (этнография в Русском географическом обществе): сб. статей. СПб. 2015, с. 180—191.
3. КОНДРАТЬЕВ А.А. Свет из Симбирска, с. 178.
4. Там же, с. 179.
5. Там же, с. 180.
6. Осипов Г. Священник А.П. Петров. — Уфимские епархиальные ведомости (УЕВ). 1913, № 8—9, с. 241—242.

7. ЧЕРНОВ П.А. Священник Андрей Петрович Петров (начало). — УЕВ. 1913, № 13—14, с. 377—382; ЕГО ЖЕ. Священник Андрей Петрович Петров (окончание). — УЕВ. 1913, № 15, с. 400—404.
8. КОНДРАТЬЕВ А.А. Учитель-краевед, с. 151.
9. Петров-Туринге П. Приметы на погоду и урожай среди чуваш с. Тряпина Миркитлинской волости Стерлитамакского кантона АБССР. — Башкирский краеведческий сборник. 1927, № 2, с. 67—70.
10. Петров П. Аскинская пещера. — Башкирский краеведческий сборник. 1926, № 1, с. 39; Петров-Туринге. Один из документов середины XVII в. — Башкирский краеведческий сборник. 1930, № 3—4, с. 80—81; Петров П. [Рец. на кн.] Н.Н. Поппе. Чуваш и их соседи. — Там же, с. 127—128; ПЕТРОВ П. [Рец. на кн.] Н.И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. 1. — Там же, с. 128—129.
11. КАРИМОВ К.К. Наука Башкирии в строительстве социализма. Уфа. 1986, с. 41—46.
12. ВАХИТОВ Г.Н. О деятельности Об-ва по изучению Башкирии (за время с 1-го апреля 1926 по 1-е октября 1928 г.). — Башкирский краеведческий сборник. 1930, № 3—4, с. 99.
13. КАРИМОВ К.К. Ук. соч., с. 41.
14. ВАХИТОВ Г.Н. Ук. соч., с. 110.
15. Там же, с. 108.
16. Там же.
17. Петров-Туринге П.А. Работа среди чуваш. — Башкирский краеведческий сборник. 1930, № 3—4, с. 95—98.
18. Там же, с. 96, 98.
19. Там же, с. 97.
20. Изучение быта чувашей. Возвращение экспедиции Чувпедтехникума. — Красная Башкирия. 1929, 12 июля.
21. Экспедиция по изучению чуваш. Статья начальника антропологического отряда Академии наук Баронова. — Красная Башкирия. 1929, 23 августа.
22. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Башкортостан (Архив УФСБ РФ по РБ). Временный фонд (ВФ), № 3673, т. 1, л. 134.
23. Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ, № 3673, т. 2, л. 100—106.
24. Там же, л. 103.
25. Там же.
26. Там же, л. 355—356.
27. Там же, л. 410.
28. Там же, т. 3, л. 249.
29. Там же, т. 2, л. 507об.
30. Там же, т. 3, л. 231—232.
31. Там же, л. 259—265.
32. Там же, т. 4, л. 445—461.
33. Там же, л. 558—568.
34. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), отд. VIII, ед. хр. 210.
35. ОРКОВ Г.Н. О народном костюме чувашей Башкортостана (по материалам экспедиции 1994 г.). В кн.: Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Вып. 3. Чебоксары. 1997, с. 151.
36. НА ЧГИГН, отд. VIII, ед. хр. 210.
37. Там же, отд. I, ед. хр. 71, л. 358—428.

Экономическое поведение крестьянства в исследованиях ученых русской эмиграции в Европе в 1920-е гг.

А.В. Берлов, Е.К. Минеева

Аннотация. Основываясь на данных земской статистики, авторы публикации проанализировали экономическое поведение крестьянства, позволившее ученым русской эмиграции в Европе в 1920-е гг. переосмыслить причины устойчивости аграрного уклада в деревне.

Ключевые слова: аграрное производство, крестьянское хозяйство, рынок, разделение труда, сельскохозяйственные работы, земля.

Abstract. Based on the Zemstvo statistics, the article analyzes the economic behavior of the peasantry, which allowed scientists of Russian emigration to Europe in the 1920s. to rethink the reasons for the stability of the agrarian system in the village.

Key words: agricultural production, peasant farming, market, division of labor, agricultural work, land.

Трагические события 1917 г. положили начало массовой эмиграции российской элиты, в состав которой входили не только бывшая аристократия, духовенство, крупные землевладельцы, промышленники и предприниматели, но и представители творческой интеллигенции, в том числе ученые различных аграрных школ, продвигавших теорию и практику сельскохозяйственного производства в дореволюционной России. Продолжая научную деятельность в новых странах проживания, главным образом в Европе, многие из них стремились переосмыслить опыт аграрных реформ в России, непоследовательность и незавершенность которых стала одной из основных причин обострения социально-политического кризиса в стране. Поиск верных путей решения аграрного вопроса акту-

Берлов Артур Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. E-mail: Arberlov@mail.ru; *Минеева Елена Константиновна* — доктор исторических наук, профессор Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Чебоксары. E-mail: mineevaek21@mail.ru.

Berlov Arthur V. — candidate of historical sciences, associate professor. Military University of Ministry of Defense of Russian Federation. E-mail: Arberlov@mail.ru; *Mineeva Elena K.* — doctor of historical sciences, professor at the ChSU named after I.N. Ulyanova. Cheboksary. E-mail: mineevaek21@mail.ru.

ализировал в научных эмигрантских кругах старые споры об экономической эффективности частного крестьянского двора и хозяйственном поведении крестьянства в условиях капиталистического рынка.

Представляя различные направления русской аграрной мысли в Европе, ученые-эмигранты были едины в неприятии советской власти и ее методов решения крестьянского вопроса. Жесткая критика тотального огосударствления земельных фондов и ликвидации частной инициативы в деревне объединяла непримиримых противников — ученых либеральной школы (Б.Д. Бруцкус, Н.Н. Зворыкин, А.Д. Билимович, В.А. Косинский и др.) и неонароднического направления (А.Н. Челинцев, С.Н. Прокопович, С.С. Маслов, А.Н. Анцыферов и др.). Представления ученых русской эмиграции об организации производства и мотивации труда в сельском хозяйстве формировались в условиях открытой полемики с марксистским учением о производстве и распределении в аграрной экономике. О нерациональности землепользования в мелких крестьянских хозяйствах писал В.И. Ленин, указывая на постоянную нехватку инвентаря, тяглого скота, денежных средств и необходимость отвлечения рабочих сил на сторонние заработки¹. Действительно, в условиях жесткой конкуренции и низких цен на сельхозпродукцию индивидуальным крестьянским хозяйствам было трудно достичь высокой доходности. Однако вопреки логике марксизма с его экономическим детерминизмом, эффективность сельскохозяйственного труда представители аграрной мысли русской эмиграции оценивали не с рыночных, а с онтологических позиций, учитывая особое отношение крестьянина к земле и специфику образа жизни в деревне. Они делали акцент на некапиталистическом характере семейного крестьянского хозяйства, в котором отсутствуют понятия коммерческого расчета, прибыли, заработной платы, эксплуатации и т.д.

По мнению видного теоретика русской аграрной мысли А.В. Чаянова, основной целью крестьянского труда является не извлечение прибыли от продажи произведенной продукции, как в промышленности, а удовлетворение потребностей семьи, обеспечение достатка и стабильности². Семейно-трудовое хозяйство отличается отсутствием найма рабочей силы на постоянной основе, половозрастное разделение труда, равномерное распределение работ в течение года, значительная устойчивость и гибкость, готовность к ежедневному напряженному труду даже на скудных почвах и в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры. В отличие от фермерского хозяйства с его прагматичной ориентацией на рынок, крестьянский двор стремится к достижению баланса между затратой трудовых усилий и степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи. Его отличает особый темпо-ритм полевых работ, способность функционировать в неблагоприятных климатических и рыночных условиях, выдерживая давления внешней среды, часто за счет интенсификации труда.

Нерыночный характер экономической организации частного семейного хозяйства подчеркивали представители либерального направления русской аграрной мысли в эмиграции, в целом позитивно оценивавшие внедрение капиталистических начал в сельскохозяйственное производство. Например, Б.Д. Бруцкус отмечал нерациональную склонность крестьян переплачивать аренду за пользование дополнительными зе-

мельными наделами, не приносящими дохода, но позволяющими полнее задействовать трудовые ресурсы семьи³. Считая рыночное хозяйство единственно возможной альтернативой социалистическому эксперименту в деревне, Н.Н. Зворыкин, тем не менее, подчеркивал специфику консервативной крестьянской психологии, особое отношение к земле и труду на ней, которые тормозили проникновение капитализма в деревню⁴. Если коммерческое предприятие стремится к максимизации прибыли относительно вложенных средств и задействованных трудовых ресурсов, то крестьянское семейно-трудовое хозяйство не готово к предельной самозаэксплуатации ради получения пороговых показателей по выпуску продукции. Трудовая мотивация крестьянина основана, скорее, на логике самозанятого или рабочего на сдельщине, который сам рассчитывает время и степень затраченных усилий ради получения желаемого результата. Такой подход, по мнению либеральных экономистов русской эмиграции, обеспечивает, с одной стороны, исключительную стабильность семейно-трудового крестьянского хозяйства, а с другой стороны, — его техническую отсталость и производственную инертность.

Ученые-экономисты либерального направления признавали, что организация производства в рамках семейно-трудового хозяйства мешает активной концентрации капитала и имущественному расслоению крестьян — т.е. базовым основаниям развития капитализма в деревне, однако все равно отдавали ему предпочтение, главным образом, из-за большей свободы хозяйственной деятельности. В частности, Бруцкус подчеркивал, что в силу специфики полевых и животноводческих работ их эффективность обеспечивается не массовостью участников, а полезной комбинацией взрослого работника с «полу-работниками» (женщинами, подростками), что оптимально соответствует составу классической крестьянской семьи⁵. Как результат, по подсчетам, проведенным Бруцкусом, продуктивность семейно-трудового хозяйства в области производства зерна, молока, свинины, яиц гораздо выше частного фермерского, и они способны извлекать с 4—5 га земли на 70% больше дохода с единицы площади, чем крупные капиталистические хозяйства площадью 35—75 га⁶.

Симпатии экономистов либеральных взглядов к частному крестьянскому хозяйству удивительным образом сочетаются с признанием его общей технической отсталости и консерватизма организации трудовой деятельности. Например, отказ от приобретения молотилок и иной трудосберегающей техники ученые объясняли нежеланием крестьян тратить на покупку часть семейного бюджета, если можно полнее задействовать бесплатные, с их точки зрения, рабочие руки членов семьи⁷. Русское семейно-трудовое хозяйство не укладывалось в либеральную логику развития классического аграрного капитализма, при котором человек рассматривается как прагматически мыслящий субъект, стремящийся к извлечению максимума выгоды от эксплуатации земельных и трудовых ресурсов. Ученые русской эмиграции справедливо считали крестьянина не предприимчивым эксплуататором-стяжателем, а хозяином-семьянином, который не склонен бесконечно наращивать объемы производства, если это требует дополнительного напряжения трудовых усилий членов его семьи. По справедливому замечанию А.Н. Челинцева: «Если все нужное для существования семьи было бы возможно добыть ее работникам

в течение, например, 150—180 дней в году, то от дальнейшей собственной работы наше трудовое хозяйство воздержится»⁸.

Концепция некапиталистической природы крестьянского хозяйства детально разработана группой русских ученых, объединившихся в Праге в 1920-е гг. вокруг Русского института сельскохозяйственной кооперации. Исследователей интересовала зависимость экономического поведения крестьянства от размеров семьи, удаленности рынка, географии расположения хозяйства, общей культуры и образования. В курсе лекций по политической экономии, изданном в 1922 г. в Праге, профессор В. А. Косинский утверждал, что крестьянин, в отличие от капиталиста, покупает землю не ради выгоды, а чтобы избежать своей пролетаризации⁹. Ученый впервые глубоко ставит вопрос о психологии и поведении аграрных капиталистов и крестьян на земельном рынке, где первые чаще выступают в роли расчетливых продавцов, а вторые — покупателей, стремящихся упрочить свое хозяйственное положение¹⁰.

Отмечая гибкость и эффективность землепользования частного двора, разнообразие производимой продукции, от льна в северных, до винограда в южных регионах, ученые русской эмиграции подчеркивали факторы, препятствующие росту производства в крестьянских хозяйствах, в числе которых малые размеры земли, чересполосица, низкий уровень технической вооруженности, отсутствие найма квалифицированной рабочей силы. Например, С. Н. Прокопович, хорошо знакомый с опытом работы аграрного сектора Германии, писал о слабой капитализации русских крестьянских хозяйств, которые не могли в необходимом объеме закупать инвентарь, удобрения и посевной материал¹¹. Анализируя данные бюджетных исследований, собранные «Экономическим кабинетом» в Берлине, он пришел к выводу о том, что решающее влияние на производственные показатели оказывают капиталоемкость хозяйств и степень их включенности в рыночные механизмы. Позиция Прокоповича противоречила мнению многих ученых-эмигрантов, в частности А. Н. Челинцева, утверждавшего, что именно малоземельные хозяйства, в силу своей гибкости, способствуют интенсификации аграрного производства¹².

Оказавшись в вынужденной эмиграции, русские экономисты получили возможность на большом статистическом материале сопоставить модели производственной деятельности крестьянского двора стран западной и восточной Европы и российского семейно-трудового хозяйства. Учитывая объективные различия в климате, размерах земли, доступности кредита и др., они справедливо отмечали тенденцию к сокращению частных крестьянских дворов в Европе, вытесняемых крупными аграрными предпринимателями, и укрепление позиций русских крестьянских хозяйств, выживавших за счет интенсивного труда и широкой кооперации (производственной, потребительской, сбытовой). Отмеченное В. А. Косинским расширение крестьянских владений позволило ему сделать неожиданный вывод о возможности преодоления капиталистических тенденций в аграрной сфере, которую автор называет «декапитализацией» сельского хозяйства¹³. Уникальная по своей организации модель русского трудового крестьянского двора, включенного в систему местных кооперативных связей, могла, по мнению ученого, стать успешной естественной экономической альтернативой западному аграрно-капиталистическому

предприятию и советскому коллективному хозяйству. Теория Коссинского подверглась мягкой критике его коллег, в частности профессора Д.Н. Иванцова, который полагал, что рыночная среда постепенно изменит традиционный крестьянский мир с его иррациональной привязанностью к земле и хозяйству¹⁴. Дальнейшая история аграрного производства и в Европе, и в России подтвердила правоту этих предположений.

Исследование организации трудовой деятельности, размеров земельных наделов, средств производства, количества скота, численности и половозрастного состава семьи позволило ученым русской эмиграции обоснованно ответить на вопрос, почему крестьянские хозяйства способны успешно выдерживать конкуренцию с фермерскими предприятиями, основанными на использовании наемного труда и банковских кредитов. По мнению А.В. Чаянова, эффективность хозяйства определяется, главным образом, соотношением числа едоков и работников¹⁵. Молодая крестьянская семья с малолетними детьми не имеет возможности задействовать в хозяйстве достаточное количество рабочих рук, что определяет низкую производительность труда. Но по мере включения в трудовую деятельность одного за другим подрастающих детей и подростков появляется возможность организовать сельскохозяйственные работы по принципу сложной кооперации, что способствует росту объемов производства и благосостояния семьи. Когда подростки дети создают свои отдельные семьи, из крепкого зажиточного двора выделяется ряд мелких хозяйств, маломощных в экономическом отношении. Таким образом, имущественное расслоение русского крестьянства ученые связывали не столько с развитием аграрного капитализма, сколько с естественной цикличностью укрупнения и разделения крестьянской семьи.

Вывод о цикличности и относительности неравенства крестьянства, вызванной спецификой социально-демографических процессов в деревне, противоречил известному марксистскому тезису о последовательной и неизбежной социально-экономической дифференциации общества под влиянием капиталистических отношений. Концепция ученых русской эмиграции в самой основе опровергала большевистскую теорию готовности к революции российской деревни, якобы разделенной на противоборствующие классы кулачества и сельского пролетариата. Не случайно утверждение С.Н. Прокоповича о том, что «неоднородность крестьянских хозяйств не является свидетельством расслоения общества»¹⁶ подверглось жесткой критике со стороны В.И. Ленина, называвшего ученого «ревизионистом», «оппортунистом» и «буржуазным интеллигентом»¹⁷.

Ученые русской эмиграции, особенно неонароднических взглядов, были убеждены в том, что хозяйственная деятельность крестьянина не укладывается в рамки прагматического поведения «экономического человека» А. Смита. Помимо исторической и экономической инерции, на нее оказывают влияние силы социальной организации, норм культуры и природной среды. Экономическое поведение крестьянства противоречит логике законов классической политэкономии, — подчеркивал теоретик партии эсеров В.М. Чернов, возглавлявший в Праге социально-политический отдел Института изучения России. По его мнению, эволюция аграрного производства в корне отличается от развития высших отраслей промышленности, поэтому в деревне невозможна высокая степень

концентрации капитала, монополизация производства и пролетаризация сельского населения¹⁸. Даже классики марксизма в свое время были вынуждены признать, что на крестьянских парцеллах хозяйство ведется «ради непосредственных средств существования», с преобладанием ручного труда над механизацией, вследствие чего цена производства выше рыночной цены¹⁹.

Наблюдая за развитием социально-экономических отношений в европейской деревне, ученые русской эмиграции не могли не видеть, что по мере укрепления аграрного капитализма урожайность на полях крупных фермерских хозяйств становится выше, чем на землях, принадлежащих частным крестьянским дворам²⁰. Более того, работая по найму у аграрного предпринимателя, крестьянин с десятины обрабатываемой им земли получал значительно больший чистый доход, чем с десятины собственной земли. Тем не менее, крестьяне пытались расширить собственные земельные наделы, стремясь обособить и укрепить свое низкорентабельное хозяйство. Как показали расчеты Д.Н. Иванцова, крепкие крестьянские дворы соглашались брать в аренду дополнительные земли, даже если землевладельцу приходилось отдавать, вместе с земельной рентой и прибылью, еще и часть заработной платы²¹. Устойчивость и жизнеспособность крестьянского двора экономисты русской эмиграции связывали с большей свободой маневрирования, способностью развивать отрасли производства и возделывать культуры, от которых отказываются крупные хозяйства по причине их низкой доходности²².

Согласно концепции русских ученых, относительная автономность крестьянского двора и изолированность хозяйственной деятельности не препятствовали развитию общественных производительных сил труда и концентрации сельскохозяйственного капитала. Широкая кооперация, охватившая аграрный мир России и многих стран Европы, вывела крестьянские хозяйства «из состояния изолированного существования индивидуально-обособленных действий»²³. Выступая в столице Болгарии с докладом «О законе земельной ренты» на V съезде русских академических организаций в эмиграции, А.Н. Анцыферов утверждал, что под воздействием сельскохозяйственной кооперации «происходит непрерывный процесс оздоровления общественной среды», создается «коллективный дух, порожденный совместной деятельностью»²⁴. Во многом идеализируя общественные отношения на селе, русские ученые опирались на известный тезис М.И. Туган-Барановского о том, что кооперативные предприятия создаются не для обогащения, а для «увеличения трудовых доходов своих членов или уменьшения их расходов на потребительские нужды»²⁵. В трудах А.Н. Анцыферова, С.С. Маслова, С.Н. Прокоповича В.А. Коссинского и др. поставлен непривычный для аграрной науки того времени вопрос о нравственном измерении экономической деятельности, формировании человека, живущего собственным трудом и включенного в социальные кооперативные связи. Принцип отказа от эксплуатации и добровольного сложения хозяйственных усилий крестьян был положен в основу экономической модели, которую русские ученые противопоставляли развивавшемуся на Западе капитализму и практике победившего в России марксизма.

Глубокий анализ жизни русского села и экономического поведения крестьянства, основанный на данных земской статистики, позволил ученым переосмыслить причины устойчивости аграрного уклада и неповторимости социальных отношений в деревне. При всем различии взглядов на аграрное производство, ученые русской эмиграции сформировали целостное представление о развитии семейно-трудового хозяйства, которое выходит за рамки догматических установок марксистской и неоклассической теорий. Проживавшие, главным образом, в крупных европейских центрах, русские экономисты смогли преодолеть инертность мышления, свойственную сторонникам внедрения капиталистических начал в аграрное производство или тотального обобществления земли и труда.

Примечания

1. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. М. 1967, с. 130.
2. ЧАЯНОВ А.В. Учение о крестьянском хозяйстве. Берлин. 1923, с. 39.
3. БРУЦКУС Б.Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Берлин. 1923, с. 56.
4. ЗВОРЫКИН Н.Н. Русские крестьяне: предстоящее их благоустройство. Париж. 1929, с. 34; ЕГО ЖЕ. К возрождению России. Париж. 1929, с. 27.
5. БРУЦКУС Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг. 1922, с. 94.
6. Там же, с. 97.
7. БИЛИМОВИЧ А.Д. Труды. СПб. 2007, с. 139.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 771, оп. 1, д. 3, л. 2—3.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5790, оп. 1, д. 72, л. 10.
10. КОССИНСКИЙ В.А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Мобилизация земельной собственности. Прага. 1925, с. 74.
11. ПРОКОПОВИЧ С.Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин. 1924.
12. ЧЕЛИНЦЕВ А.Н. Отзыв о книге С.Н. Прокоповича «Крестьянское хозяйство». — Крестьянская Россия. Прага. 1924, № VIII—IX, с. 253.
13. КОССИНСКИЙ В.А. Ук. соч., с. 49.
14. ИВАНЦОВ Д. Учение проф. В.А. Коссинского о земельной мобилизации. В кн.: Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Кн. IV, Прага. 1926, с. 162.
15. ЧАЯНОВ А.В. Учение о крестьянском хозяйстве. Берлин. 1923, с. 48.
16. ПРОКОПОВИЧ С.Н. Динамика крестьянского хозяйства. — Экономический вестник. Берлин. 1923, № 2, с. 18.
17. ЛЕНИН В.И. Рецензия на: ПРОКОПОВИЧ С.Н. Рабочее движение на Западе. Полн. собр. соч., т. 4, с. 299—304.
18. ЧЕРНОВ В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин. 1922, с. 49.
19. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М. 1962, с. 367.
20. МАСЛОВ С.С. Возрождение России и крестьянство. — Крестьянская Россия. Прага. 1923, № 2, с. 14.
21. ИВАНЦОВ Д.Н. Блокноты с черновыми записями. 5-я тетрадь. Прага. 1927 г.; ГА РФ, ф. Р-5790, оп. 1, д. 50, л. 20.
22. МАСЛОВ С.С. Восходящая сила. — Крестьянская Россия. Прага. 1922, № 1, с. 41.
23. АНЦЫФЕРОВ А.Н. О природе и сущности кооперации. В кн.: Записки Русского Института сельскохозяйственной кооперации в Праге, кн. 4, с. 5—24.
24. Труды V-го съезда русских академических организаций за границей в Софии, 14—21 сентября 1930 г. [Текст]. София. 1932, с. 201.
25. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М.И. Социальные основы кооперации. М. 1916, с. 54.